

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.60.12>

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХРОНОТОПА ПОРОГА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
ОРФИЧЕСКОГО ЛЕЙТМОТИВА

Научная статья

Демин М.С.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0003-8466-5121;

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (mikhail.de[at]yandex.ru)

Аннотация

Реферруемая статья представляет собой пример лексико-семантической интерпретации русскоязычного и англоязычного поэтических текстов с орфическим лейтмотивом в рамках хронотопа порога. Исследование проводится на материале поэтических текстов авторства А. Тарковского и Т. Гарди. На основании совокупности методов анализа научной литературы по данной проблематике, направленной выборки, компонентного, лингвостилистического, лексико-семантического и сравнительно-сопоставительного анализов, качественной и формальной интерпретации результатов разработан алгоритм исследования лексических единиц с множественными контекстуальными семами, приобретаемые в дискурсивном контексте. Анализируются способы создания образности сюжетно-семантического поля орфизма в поэтических текстах при помощи лексических единиц с семами пространства и времени, которые являются как прямыми, так и непрямыми номинантами хронотопа порога. Определено, что орфический лейтмотив в рамках хронотопа порога представляет собой языковую форму выражения саморефлексии. В результате составления сравнительно-сопоставительной лингвокультурологической характеристики выявлены случаи как совпадения, так и несовпадения лексических единиц полисемантического комплекса орфизма с координационными точками саморефлексии в дискурсивном контексте хронотопа порога. Применяемые методы, алгоритмы, результаты и выводы работы могут послужить базисом для изучения функционально-стилистических особенностей поэтических текстов смежной тематики.

Ключевые слова: орфизм, лейтмотив, полисемантический комплекс, лингвокультура, хронотоп, локонимы, хрононимы, эвфемия, дисфемия, саморефлексия, дискурс, языковая картина мира.

LEXICAL AND SEMANTIC REPRESENTATION OF THE THRESHOLD CHRONOTOPE IN POETIC TEXTS OF
THE ORPHIC LEITMOTIF

Research article

Demin M.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0003-8466-5121;

¹ State University of Education, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (mikhail.de[at]yandex.ru)

Abstract

The refereed article is an example of lexico-semantic interpretation of Russian and English poetic texts with the Orphic leitmotif within the chronotope of the threshold. The study is conducted on the material of poetic texts by A. Tarkovsky and T. Hardy. On the basis of a combination of methods of analysis of scientific literature on this problem, directed sampling, component, linguistic, lexical-semantic and comparative analyses, qualitative and formal interpretation of the results, an algorithm of research of lexical units with multiple contextual semes acquired in a discursive context is developed. The ways of creating imagery of the plot-semantic field of Orphism in poetic texts by means of lexical units with semes of space and time, which are both direct and indirect nominants of the threshold chronotope, are analysed. It is determined that the Orphic leitmotif within the threshold chronotope is a linguistic form of self-reflection expression. As a result of compiling a comparative linguocultural characterization, cases of both coincidence and incongruence of lexical units of the polysemantic complex of Orphism with the focal points of self-reflection in the discursive context of the threshold chronotope have been identified. The applied methods, algorithms, results and conclusions of the work can serve as a basis for the study of functional and stylistic features of poetic texts of related subjects.

Keywords: Orphism, leitmotif, polysemantic complex, linguoculture, chronotope, loconyms, chrononyms, euphemia, dysphemism, self-reflection, discourse, linguistic worldview.

Введение

Лингвокультурологическая значимость узконаправленной тематики жизни, смерти и обретения себя на лексико-семантическом уровне представляет собой широкое информационное поле лингвистического исследования, а значит, такой вектор исследования актуален для изучения. Предмет исследования – лексико-семантическая специфика языкового выражения орфического лейтмотива в рамках хронотопа порога. Объект исследования – лексические единицы хронотопа порога, маркирующие пространственно-временную организацию поэтического текста. Цель данной работы – составление сравнительно-

сопоставительной лингвокультурологической характеристики орфического лейтмотива на уровне лексики. В соответствии с целью исследования сформулируем ряд задач:

- 1) определить категориальный аппарат настоящей работы в области семантики;
- 2) выявить особенности построения пространственно-временной организации поэтического текста в русле орфического лейтмотива, существующего в рамках хронотопа порога;
- 3) идентифицировать способы создания образности анализируемых текстов;
- 4) обобщить и формализовать полученные результаты сопоставительного анализа.

Научная новизна работы объясняется отсутствием изучения орфизма во взаимозависимости и взаимообусловленности с категорией хронотопа с точки зрения сравнительно-сопоставительной лингвистики.

Методы и принципы исследования

Методология исследования базируется на трудах ученых в области семантики [3], [10], [19], [25], лингвокультурологии [1], [5], [17], [22] и когнитивной лингвистики [12]. Для достижения целей и решения поставленных задач используем такие методы, как: анализ научной литературы по данной проблематике, направленной выборки, компонентного, лингвостилистического, лексико-семантического и сравнительно-сопоставительного анализов, качественной и формальной интерпретации результатов.

Лингвистическая интерпретация философских доминант, воплощаемых в поэтических текстах, представляет собой один из способов декодирования языковой картины мира этноса, что позволяет читателям и исследователям в области сравнительно-сопоставительного языкознания осмыслить культурный код, представляющий собой «систему означивания, то есть сформированную стереотипами этнокультурного сознания конфигуративную совокупность знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: а) образования и структурирования довербальных смыслов и б) их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определённой коммуникативно-прагматической парадигмы» [1, С. 61-62]. Обилие лингвокультурной информации позволяет исследователям выделить следующие базовые культурные коды: темпоральный, который может быть представлен такими формами времени, как линейное и цикличное [9, С. 127], и пространственный (географический), который имеет различные вариации в рамках заданного дискурса [11, С. 187], [22, С. 243] или лейтмотива, который в данной работе определяется как «повторяющийся элемент поэтики произведения (текстуальный эквивалент), отличающийся смысловой значимостью в маркированном фрагменте текста, символичностью» и как лексическая «форма мотивов, различающихся как текстовые элементы действия, состояния ума или эмоций, жестов, окружающей среды, объединенных в общем конструкте» поэтического текста [13, С. 88]. В данной работе анализируется пространственный и темпоральный культурные коды, рассматриваемые в качестве единого смысло- и сюжетно-семантического комплекса в виде хронотопа порога. Отметим, что тексты орфического лейтмотива представляют собой форму вербализации антропологического, онтологического и сотериологического сюжетов художественной литературы [8, С. 31]. Обращаясь к релевантным работам в области семантики и семиотики по данной теме, приведем классификацию С.Ю. Сухановой, согласно которой антропологический сюжет связан с такими семантическими полями, как «смертность», «жертва и самопожертвование»; сотериологический сюжет вербализуется при помощи таких семантических полей, как «переход», «трансформация», «спасение»; онтологический сюжет связан с семантическими полями «жизни-смерти-возрождения/перерождения», «множественности-неделимости», «проглатывания-поглощения» [20, С. 142-143], которые связаны с соответствующими им лексическими единицами [8].

На уровне художественного текста данные лексико-семантические доминанты несут в себе и сюжетообразующие функции, что ставит их в один ряд с единством времени и пространства, именуемым хронотопом. Согласно М.М. Бахтину, хронотоп представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [5, С. 9]. Е.Н. Широкова рассматривает его с другой позиции – как «координирующую категорию, определяющую пространственно-временную соотнесенность в тексте событий, явлений, концепций, императивов и т. п.» [25, С. 179]. Не менее интересно понимание хронотопа Л.А. Ноздриной, которая считает, что он, нося характер не поверхностный, а глубинный, является не только категорией текста, но и категорией поэтики, уровнем выражения которой является локальная и темпоральная сетки текстов [14, С. 216]. Так как орфический лейтмотив анализируемых текстов раскрывается в рамках хронотопа порога, который является концептуальной метафорой кризиса или символом кардинальных жизненных изменений [5, С. 182], то тематический каркас исследования в свете антропоцентрической парадигмы представляет собой рассмотрение форм лексико-семантической репрезентации пространственно-временной парадигмы «Я-концепции», которая, согласно И.Г. Жировой, представляет собой «компонент ценностной системы национального языкового сообщества, а также передает вполне типичные представления индивида, его самооценку о себе в рамках целостной аксиологической системы лингвокультурологического сообщества», к которому он принадлежит и осознает себя [12, С. 30]. Такое комплексное рассмотрение языкового материала подразумевает под собой декодирование языковой и национально-культурной информации исследуемых лингвокультур, что проявляется на уровне текста в понимании его семантической организации, а значит имеет место такое свойство текста, как образность, которая, по определению М.И. Святовой, представляет собой выражение вторичного ассоциативного образа при помощи единиц, передающих стереотипное восприятие за счет взаимозависимости и взаимообусловленности ассоциативно-образного и предметно-понятийного планов [17, С. 63], [18]. В связи с этим рассмотрим явления эвфемии и дисфемии как способы трансляции и трансформации плана выражения и плана содержания лексических единиц за счет метафорических и/или метонимических переносов компонентов значений исходных единиц на номинируемые предметы, действия, события, явления, императивы и т.д. [7], [8]. Данные лексико-семантические приемы подразумевают «смягчение» (эвфемия) оттенков значений называемого понятия или их вульгаризацию (дисфемия) [7], [8]. Такие способы концентрации внимания читателя автором текста на определенных «оттенках» значений слова предполагает сдвиг его

стилистической окраски в сторону повышения или понижения регистра [11]. Развивая идею И.Н. Филипповой и С.Н. Вековищевой, дополним, что не только эвфемизация, но и дисфемизация представляет собой наглядный способ проявления следов изо- и алломорфизма как один из путей выявления национального своеобразия на примере хронотопа порога в текстах орфического лейтмотива [23, С. 100], [24].

Для настоящего исследования примем, что параметрами сопоставления являются *локонимы* и *хрононимы*, представляющие собой, согласно С.Б. Аюповой, лексические единицы с семами пространства и времени соответственно [3, С. 17]. По определению Л.А. Новикова, *сема* – это «операциональная единица компонентного анализа при исследовании семантического поля слов и лексико-семантических вариантов слов и установлении их сходства и различия» [14]. Отметим, что выявление особенностей вербализации пространственно-временных отношений лексического каркаса орфической тематики в языковом материале статьи проводится на уровне контекстуальных сем, расширяющих свои поля значений в дискурсивном контексте [8], [11].

Учитывая лингвофилософский аспект орфической тематики, обобщим опыт исследований С.Б. Аюповой и Б. Гюнеш в отношении категорий пространства и времени и заключим, что данные структурно-семантические доминанты реляционного типа репрезентируют: онтологический аспект орфизма, способствующий формированию самых разнообразных картин мира человека, в том числе языковой художественной, и антропоцентрический аспект орфизма, отражающий особенности миропонимания при помощи субъективно-эмоциональных лингвистических средств [4, С. 9], вербализующихся через призму саморефлексии в виде языковой репрезентации лингвокультурной доминанты «Я-концепция».

Материал исследования и его анализ

В свете выявленных параметров сопоставления, выведем алгоритм анализа языкового материала (поэтических текстов А. Тарковского и Т. Гарди) в дискурсивном контексте орфической тематики как для локонимов (см. Пункт III), так и для хрононимов (см. Пункт IV):

- I. Отбор лексических единиц с прямой и непрямой номинацией пространства и времени;
 - II. Вербальная идентификация координационных точек саморефлексии в контексте хронотопа порога;
 - III. Анализ локонимов хронотопа порога орфического лейтмотива;
 - IV. Анализ хрононимов хронотопа порога орфического лейтмотива.
- Проанализируем стихотворения А. Тарковского [21] и Т. Гарди [2] и отберем лексические единицы (см. Табл. 1).

Таблица 1 - Исследуемый языковой материал

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.60.12.1>

А. Тарковский	Т. Гарди
<p>ПОСРЕДИНЕ МИРА <u>Я человек, я посредине мира,</u> За мною мириады инфузорий, Передо мною мириады звезд. <u>Я между ними лег</u> во весь свой рост – Два берега связующее море, Два космоса соединивший мост.</p> <p><u>Я Нестор, летописец мезозоя,</u> Времен грядущих я Иеремия. Держа в руках часы и календарь, Я в будущее <u>втянут</u>, как Россия, И прошлое кляню, как нищий царь. <u>Я больше мертвецов о смерти знаю.</u> <u>Я из живого самое живое.</u> И – боже мой! – какой-то мотылек, Как девочка, смеется <u>надо мною</u>, Как золотого шелка лоскуток [21].</p> <p>--</p> <p>Ночью медленно время идет, Завершается год високосный. Чуют жилами старые сосны Вешних смол коченеющий лед. <u>Хватит мне повседневных забот,</u> А другого <u>мне счастья не надо.</u> <u>Я-то знаю:</u> и там, <u>за оградой</u>, Чей-нибудь завершается год. <u>Знаю:</u> новая роща встает Там, где сосны кончаются наши. Тяжелы черно-белые чаши,</p>	<p>THE DARKLING THRUSH I leant upon a coppice gate When Frost was spectre-grey, And Winter's dregs made desolate The weakening eye of day. The tangled bine-stems scored the sky Like strings of broken lyres, And all mankind that haunted nigh Had sought their household fires.</p> <p>The land's sharp features seemed to be The Century's corpse outleant, His crypt the cloudy canopy, The wind his <i>death-lament</i>. The ancient pulse of germ and birth Was shrunk hard and dry, And every spirit upon earth Seemed fervourless <u>as I</u>.</p> <p>At once a voice arose among The bleak twigs overhead In a full-hearted <i>evensong</i> Of joy illimited; An aged thrush, frail, gaunt, and small, In blast-beruffled plume, Had chosen thus to fling his soul Upon the growing gloom.</p> <p>So little cause for <i>carolings</i> Of such ecstatic sound Was written on terrestrial things Afar or nigh around,</p>

А. Тарковский	Т. Гарди
Чуют жилами <i>срок</i> и <i>черед</i> [21].	<p data-bbox="839 174 1286 295">That <u>I could think</u> there trembled through His happy <i>good-night</i> air Some blessed Hope, whereof he knew And <u>I was unaware</u>.</p> <p data-bbox="951 327 1174 385">31st December 1900 [2]</p>

3.1. Отбор лексических единиц с прямой и непрямой номинацией пространства и времени

В исследуемом языковом материале жирным шрифтом выделены локонимы (12 единиц в стихотворениях А. Тарковского и 16 единиц в стихотворении Т. Гарди) и курсивом хрононимы (31 единица в поэтических текстах А. Тарковского и 16 у Т. Гарди). Отдельно отметим, что в текстах подчёркнуты в том числе координационные точки саморефлексии, вербализующие образ человека как относительную, так и сопоставительную константу в рамках хронотопа порога: 12 единиц в русскоязычном материале и 3 единицы в англоязычном. Они представляют собой и дискурсивные маркеры, и сюжетообразующие точки локально-темпоральной сетки данных поэтических текстов, поскольку их языковая реализация создает субъективно-оценочное отношение как от лица лирического героя по отношению к воспринимаемой им реальности, так и от лица автора по отношению к описываемой им языковой художественной картине мира. Добавим, что отбираемые нами локонимы, хрононимы и координационные точки саморефлексии количественно исследуются на синтагматическом уровне, где статистическими единицами интерпретации являются связанные контекстуальной связью в дискурсивном контексте компоненты синтагмы, которая, согласно Ф. де Соссюру, представляет собой «последовательность двух (или более) единиц языка частей сложного слова; слов, словосочетаний, предложений, соединённых определённым типом связи» [19], а за контекстуальную единицу анализа примем СФЕ [10].

3.2. Вербальная идентификация координационных точек саморефлексии в контексте хронотопа порога

3.2.1. Русскоязычный материал

Такие синтагмы, как «Я человек», «Я Нестор», «Я Иеремия», представляют собой концептуальные образы, которые вербализуют метафизический дискурс, так как соответствующие им лексические единицы, представленные в виде библеизмов и лингвокультурем, содержат в себе семы «настоящего», «прошлого» и «будущего» за счет метафорического переноса компонентов значений из семантических полей, связанных с различными аспектами времени, на антропологические, исторические и библейские персоналии. Анализируемые лексико-семантические единицы в русскоязычном тексте представлены различными вариациями средств стилистического синтаксиса, наиболее интересные из которых те, что выражаются в форме предложений с именными формами сказуемых. Данный выбор синтаксических конструкций позволяет автору сделать акцент на аксиологической составляющей поэтического текста. Безличные и определенно-личные предложения представляют собой лингвокультурные маркеры саморефлексии, поскольку их функциональное назначение в нарративе показывает не только состояние и действие субъекта без прямого указания на него, но и показывает оценочную точку зрения автора [6, С. 119-120], что является вариантом «вуалирования» имени субъекта, следовательно, это один из примеров использования такого приема непрямой номинации, как эвфемия.

3.2.2. Англоязычный материал

Тема стихотворения заключена в самом заглавии *The Darkling Thrush*, компонент которого, *darkling*, в сознании представителей английской поэтической лингвокультуры ассоциируется с понятием «вещий», то есть основной смысл произведения – предвосхищение начала нового столетия; и в автосемантическом обстоятельстве времени *31st December 1900*, буквально номинирующего семантическую составляющую сюжетной линии хронотопа порога – переход в новую историческую эпоху [2, С. 675]. В тексте Т. Гарди имеет место использование сослагательного наклонения *Subjunctive II* глагольных форм и сравнительных оборотов для создания эффекта стирания грани между настоящим, прошлым и будущим [6, С. 120] и создания субъективной оценки событий при вербализации лингвистической художественной картины мира орфического лейтмотива и соответствующей ей образности саморефлексии и самопознания (см. СФЕ *I could think, I was unaware, as I*). Перечисленные синтагмы образуют синонимичный ряд понятий семантического поля «незнание», которое сопряжено с семантическим полем «неуверенности» по грамматическому принципу. Ядерным звеном данной микротематической парадигмы является словосочетание *fervourless as I*, которое содержит в себе портретное описание лирического героя: деривационная модель лексемы *fervourless* – суффиксация, вносящая дополнительную контекстуальную сему противоположного эмоционального плана от исходной лексемы, тем самым образуя эмотив в системе структуры значения исходной единицы. СФЕ/синтагма *as I* представляет собой грамматико-синтаксическую форму выражения онтологического сюжетно-семантического комплекса «множественности-неделимости»: пространственные маркеры (*had sought*) **their household fires, (every spirit) upon earth** в дискурсивном контексте связаны с синонимичными СФЕ **all mankind** и **every spirit**, являющие собой примеры гипо-гиперонимии. Смысловая парадигма фраз *I could think — he knew — I was unaware* представляет собой пример антитезы, которая образована при помощи гипо-гиперонимии семантического поля «мышление» и вторичных микрополей «знание» и «незнание», находящихся в антонимических отношениях друг с другом.

3.3. Анализ локонимов хронотопа порога орфического лейтмотива

3.3.1. Русскоязычный материал

Ориентация лирического героя осуществляется в рамках пространства двух дискурсивных сфер (пейзажного и метафизического дискурсов), вербализующихся посредством локонимов, характеризующих не только ориентацию в физическом, но и в духовном контексте. В стихотворении «Посредине мира» А. Тарковский дает читателю указательную характеристику на местоположение персонажа при помощи средств прямой номинации, заложенной в авторской коммуникативно-прагматической интенции, выражающейся в названии стихотворения. Описательная характеристика пространственной ориентации лирического героя представляет собой совмещение на уровне лексики конкретных и абстрактных топосов. Так, социальное пространство лирического героя представляет собой синонимичный ряд лексем *человек – Нестор – Иеремия – нищий царь*, что показывает высокую мотивированность использования данных единиц при создании образности, поскольку они обладают культурной маркированностью различной гетерогенной лингвистической природы, так как принадлежат к разным этимологическим и историческим доминантам. В анализируемом стихотворном тексте наблюдается сопряжение семантических полей «духовности» и «материальности» при помощи метафорического переноса поля структуры значения семы «человек/личность» на семантическое поле «социум» и «время», тем самым здесь наблюдается тесное сопряжение антропологического, онтологического и сотериологического аспектов сюжетно-семантических полей. Отметим, что материальный аспект пространства формируется за счет топонима «Россия», который представляет собой контекстуальный синоним синтагмы «посредине мира», так как геолингвокультурный код данной лексической единицы связан с особенностями региональной и физической географии описываемой местности: Россия, являясь евразийской державой, «соединяет» две части континента, Европу и Азию, условная граница которых проходит по Уральским горам [22]. С другой стороны, можно это интерпретировать как конкретизацию концептуального поля понятия «граница» (водная и земная), а, следовательно, связанных с ними понятий «мост», «два берега» «связующее море», которые являются гипо-гиперонимами понятий «порог» и «ограда», поскольку заключенные в данных понятиях семы «переход» и «граница» дополняются контекстуальными и метафорическими значениями. Схожий лейтмотив мы наблюдаем в стихотворении «Ночью медленно время идет...», где конкретизация местоположения лирического героя осуществляется в рамках пейзажного дискурса при помощи лексемы «ограда», значение которой маркирует ограниченность незамкнутого пространства: «*Стена, забор, решетка вокруг чего-л.*» [16]. Физический план пространственной ориентации лирического героя в текстах А. Тарковского представлен при помощи наречного производного предлога «**передо (мною)**» и непроизводных предлогов «**за**» и «**между**», что показывает его положение между сушей, морем и небом, так как в дискурсивном контексте синтагмы «*мириады инфузорий*» и «*мириады звезд*» являются примерами семантического «стирания граней» указываемых понятий.

3.3.2. Англоязычный материал

Действие происходит в двух планах дискурсивного пространства: в глобальном, выражающимся при помощи локонимов и таких синсемантических слов, как **mankind, growing gloom, broken lyres, terrestrial things, afar, nigh around**, а также в ограниченном, выражающимся такими маркерами, как **coppice gate, bine-stems, sky, household fires, land's sharp, crypt, upon earth**. Распределение локонимов по данным пространственным параметрам соответствует лингвокогнитивному аспекту рецепции окружающей действительности: видимые физическим зрением изменения природы описываются при помощи лексических единиц с семами «предмета» или «материи», а эмоциональный опыт и ассоциативные образы при помощи лексических единиц с семантическими компонентами, которые не имеют точного числового или материального выражения. В совокупности, данный набор лексических единиц формирует двойственную природу образности хронотопа порога.

3.4. Анализ хрононимов хронотопа порога орфического лейтмотива

3.4.1. Русскоязычный материал

Тематический каркас стихотворных текстов А. Тарковского представляет собой отражение восприятия времени и описание чувственного опыта от происходящих изменений, что является формой представления метафизического дискурса. Как уже было указано ранее (см. Пункт 1), лингвокультурологическая характеристика саморефлексии связана с ощущением принадлежности у индивида к тому этнокультурному языковому сообществу, при помощи языка которого осуществляется процесс коммуникации и мышления [12]. Временные маркеры хронотопа порога представляют собой различные примеры создания образности при помощи прямой и непрямой номинации. Так, в стихотворении «Посредине мира» фраза *Держа в руках часы и календарь* является прямым указателем на положение лирического героя в хронологической последовательности воспринимаемой им действительности, поскольку данные синсемантические слова маркируют объективно-оценочное отношение. Анализируемые СФЕ представляют собой ядерное звено в гипо-гиперонимии «*часы и календарь*» – «*в будущее втянут*» – «*прошлое клян*», последние два из которых являются дисфемизмами понятий «будущее» и «прошлое», соответственно, по грамматическому принципу за счет глаголов «втянут» и «клян», которые в дискурсивном контексте демонстрируют субъективно-оценочное суждение героя и автора к явлению времени как таковому. Здесь же представляется возможным определить ряд контекстуальных антонимов «*мириады инфузорий*» и «*мириады звезд*» как соответствующие эвфемизмы понятий «прошлое» и «будущее», образованные по метафорическому переносу данных сем. Они же в свою очередь образуют следующую синонимию: «*прошлое*» – «*мириады инфузорий*», «*будущее*» – «*мириады звезд*». Лейтмотив «жизни-смерти-смертности» выражен при помощи как прямой номинации «*Я больше мертвецов о смерти знаю./ Я из живого самое живое*», так и при помощи эвфемии понятия «быстротечность жизни» на лексеме «мотылек» и связанного контекстуально и грамматически с ним оксюморона «смеется надо мною». В стихотворении «Ночью медленно время идет...» лейтмотив смертности выражен в последней строфе при помощи СФЕ и синтагм «*сосны кончаются наши*», «*черно-белые чаши*», «*чуют жилами срок и черед*», которые являются эвфемизмами семантического комплекса «преемственности», «предначертанности» и «неизбежности», представляющие собой языковое выражение длительного времени, эксплицитированного в СФЕ первой строфы «*новая роца встает*» при помощи непрямой номинации в виде эвфемии. Фабульная разверстка орфического лейтмотива в пейзажном дискурсе представлена

лексическими единицами, номинирующими семантическое поле «памяти» и «межпоколенной связи» через добавление соответствующих сем на дендронимы (см. «сосны»). Смысловая связность текста обуславливается наличием синсемантических слов, которые в дискурсивном контексте маркируют временной аспект хронотопа порога: «ночью», «медленно», «время (идет)», «завершается», «год високосный», «старые (сосны)», «вешних (смола)», «повседневных (забот)», «срок и черед».

3.4.2. Англоязычный материал

В стихотворении Т. Гарди пейзажный дискурс существует во временном континууме хронотопа порога, маркируемом автосемантическим обстоятельством времени *31st December 1900*, описательная характеристика которого создается при помощи таких синсемантических слов, как *When Frost, Winter's dregs, weakening eye of day, The Century's corpse, The ancient pulse of germ and birth, At once, evensong, joy illimited, aged thrush, carolings, ecstatic sound, good-night, Some blessed Hope*. Отметим, что здесь наблюдается гипо-гиперонимия двух групп хрононимов между собой. Дискурсивный контекст орфического лейтмотива хронотопа «порога» являет собой сопряжение нескольких противоположных между собой семантических комплексов. Так, заглавие стихотворения 'The Darkling Thrush' и автосемантическое обстоятельство времени *31st December 1900* являются примерами эвфемизации и метафоризации семантических полей «начало» и «завершение» соответственно, поскольку структура значений данных синтагм представляет собой аналогичный соположенный ряд антонимов (анализ концептуального значения лексемы 'thrush' см. в пункте II). Другим примером является СФЕ 'The weakening eye of day', которое антонимично СФЕ 'At once a voice arose among' по компонентам значения концептуального поля, где ядерным звеном являются дихотомия 'The weakening – arose' и антитеза 'Frost – household fires', маркирующее температурные и временные параметры двух ограниченных пространств. Такие СФЕ, как 'The Century's corpse' – 'The ancient pulse of germ and birth', 'death-lament' – 'evensong' – 'carolings' – 'ecstatic sound' – 'joy illimited' помимо эвфемизации семантического комплекса «жизнь-смерть/смертность-бессмертие/мимолетность-вечность» маркируют лейтмотив «перехода» и «смены времени». Отметим, что в случаях эвфемизации имеет место использование церковной лексики ('evensong'), а в случаях дисфемии (*The Century's corpse*) наблюдается использование мортального лингвокультурного кода.

Выводы

На основании вышеизложенного представим формальную сравнительно-сопоставительную лингвокультурологическую характеристику вербализации орфического лейтмотива в рамках хронотопа порога (см. Табл. 2).

Таблица 2 - Формальная сравнительно-сопоставительная характеристика вербализации орфического лейтмотива в рамках хронотопа порога

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.60.12.2>

Параметры сопоставления		Языковой материал	
		Русский язык (А. Тарковский)	Английский язык (Т. Гарди)
Дискурсивная сфера (пространственная и временная ориентация)		Пейзажный дискурс Метафизический дискурс	Пейзажный дискурс
Вид времени		Линейное	Линейное
Общее количество лексем	п	133	166
	%	100	100
Количество координационных точек саморефлексии в рамках хронотопа порога	п	12	3
	%	9	1,8
Количество локонимо	п	12	16
	% от общего числа всех лексем	9	9,6
	% от общего числа локонимов	100	100
Количество прямых номинантов локонимов	п	5	13
	% от общего числа всех лексем	3,76	7,83
	% от общего числа локонимов	41,2	81,25
Количество непрямых номинантов	п	7	3

		Языковой материал			
Параметры сопоставления		ния % от общего числа всех лексем	5,26	1,8	
локонимов		% от общего числа локонимов	58,3	18,75	
Количество совпадений локонимов и координационных точек саморефлексии		п	3 из 12	0	
		% от общего числа локонимов	25	0	
Количество хрононимов		п	31 (23,3%) – 100%	16 (9,6%) – 100%	
		% от общего числа всех лексем	23,3	9,6	
		% от общего числа хрононимов	100	100	
Количество прямых номинантов хрононимов		п	9	3	
		% от общего числа всех лексем	6,77	1,8	
		% от общего числа хрононимов	29	18,75	
Количество не прямых номинантов хрононимов		Всего	п	22	13
			% от общего числа хрононимов	71	86,7
			% от общего числа не прямых номинантов хрононимов	100	100
		Эвфемия	п	20	12
			% от общего числа хрононимов	64,5	92,3
			% от общего числа не прямых номинантов хрононимов	90,9	-
		Дисфемия	п	2	1
			% от общего числа хрононимов	6,45	7,7
			% от общего числа не прямых номинантов хрононимов	9,1	-
Количество совпадений хрононимов и координационных точек саморефлексии		п	6 из 31	0	
		% совпадений от общего числа хрононимов	19,35	0	
Соотношение локонимов к хрононимам			1:2,58	1:1	
Соотношение хрононимов к локонимам			1:0,39	1:1	
Соотношение случаев прямой к не прямой номинации локонимов			1:1,4	1:0,23	
Соотношение случаев прямой к не прямой номинации хрононимов			1:2,44	1:4,33	

Исходя из полученных данных, можно прийти к следующим выводам:

1. Выявленные соотношения в исследуемой языковой паре объясняются соположенным рядом дискурсов.
2. Отсутствие совпадений между идентифицированными координационными точками саморефлексии, локонимами и хрононимами в англоязычном материале позволяют заключить, что образность персонажа/лирического героя, находящегося в рамках одной дискурсивной сферы (пейзажного дискурса), маркирует стирание грани между настоящим, прошлым и будущим, тем самым являя собой скорее оценку окружающей действительности (описательная характеристика), а не форму выражения полной лингвистической картины мира представителя этноса и лингвокультуры (описательная характеристика + саморефлексия).
3. Частичное наличие совпадений между идентифицированными координационными точками саморефлексии, локонимами и хрононимами в русскоязычном материале объясняются тем, что текстовые формы образности вербальных конструкторов метафизического дискурса частично декодируют дейктическую лингвистическую картину мира представителя данной лингвокультуры, поскольку субъективно-модальная оценка действительности лирического героя эксплицируется в рамках двух дискурсивных сфер (пейзажного и метафизического дискурсов).
4. Соотношение 1:1 локонимов к хрононимам (и наоборот) в англоязычном тексте говорит об описательном характере нарратива в тексте, что соответствует семантической организации текста в рамках его контекстно-вариативного членения орфического лейтмотива.
5. Орфический лейтмотив преимущественно вербализуется посредством эвфемии в форме синонимии и антонимии, которые на уровне стилистики выражаются при помощи метафоры, оксюморона и антитезы, а на уровне семантики представлены как различные оппозиции гипонимов и гиперонимов друг к другу.
6. Образность поэтических текстов сопряжена с изо- и алломорфизмом на уровне семантики при вербализации такого аспекта саморефлексии, как «Я-концепция».
7. Наличие дисфемии в исследуемых текстах представляет собой случаи изоморфизма на уровне прагматики в аспекте выражения субъективно-негативного отношения к описываемым явлениям и событиям.
8. Культурная маркированность лексики орфического лейтмотива в рамках исследуемых дискурсивных контекстов эксплицируется в виде витального, мортального, биоморфного и фитоморфного лингвокультурных кодов, которые представлены такими единицами, как: лингвокультура, библеизмы, единицы церковной лексики, историзмы, зоонимы и дендронимы.

Заключение

Отметим, что цель исследования достигнута в полном объеме – удалось составить не только качественную, но и формальную сравнительно-сопоставительную лингвокультурологическую характеристику особенностей лексико-семантической вербализации орфического лейтмотива в рамках хронотопа порога. Разработан алгоритм анализа лексических единиц, которые в дискурсивном контексте становятся компонентами такого полисемантического комплекса, как орфизм. Полученные данные формализуют особенности выражения национально-культурного языкового своеобразия сопоставляемых лингвокультур. Отдельные положения данной работы могут стать предметом исследования в таких аспектах сравнительно-сопоставительной лингвистики, как культурная маркированность лексических единиц поэтических текстов и в сфере функционально-стилистических особенностей текстов смежных тематических областей.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. — Москва: Academia, 2002. — 392 с.
2. Аринштейн Л.М. Английская поэзия в русских переводах. XX век / Л.М. Аринштейн, Н.К. Сидорина, В.А. Скороденко. — Москва: Радуга, 1984. — 848 с.
3. Аюпова С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Аюпова Светлана Будимировна. — Уфа, 2012. — 49 с.
4. Аюпова С.Б. Принципы описания структурно-семантических категорий пространства и времени языковой художественной картины мира / С.Б. Аюпова, Б. Гюнеш // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2013. — № 4-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-opisaniya-strukturno-semanticheskikh-kategoriy-prostranstva-i-vremeni-yazykovoy-hudozhestvennoy-kartiny-mira> (дата обращения: 24.08.2024).
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Эпос и роман. — Санкт-Петербург: Азбука, 2000. — С. 9–193.

6. Вековищева С.Н. Взаимообусловленность и взаимозависимость категорий пространства и времени в художественном тексте на материале английского и русского языков в сопоставительно-переводческом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / Вековищева Светлана Николаевна. — Москва, 2000. — 171 с.
7. Вековищева С.Н. Образная эвфемия в текстах с религиозной семантикой и ее межъязыковая передача / С.Н. Вековищева, Г. Кожевников // Иностранные языки в высшей школе. — 2022. — № 3 (62). — С. 18–25. — DOI: 10.37724/RSU.2022.62.3.002.
8. Вековищева С.Н. Лексико-семантические особенности репрезентации лингвокультуры орфизма (на материале сопоставления отрывка текста пьесы У. Шекспира *The Tempest* / «Буря» и его русскоязычных переводов) / С.Н. Вековищева, М.С. Демин // Иностранные языки в высшей школе. — 2024. — № 3 (70). — С. 30–39. — DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.004.
9. Веревкина Т.В. Языковая модель времени как одна из основных темпоральных моделей / Т.В. Веревкина // Вестник ТГУ. — 2008. — № 9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-model-vremeni-kak-odna-iz-osnovnyh-temporalnyh-modeley> (дата обращения: 22.10.2024).
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; отв. ред. Г.В. Степанов. — Москва: ЛЕНАНД, 2020. — 144 с.
11. Демин М.С. Лексико-композиционные особенности вербализации орфической картины мира (на материале сопоставления текста стихотворений В.А. Жуковского, У. Блейка и Л. Хьюза) / М.С. Демин // Вестник филологических наук. — 2024. — Т. 4. — № 7. — С. 186–195.
12. Жирова И.Г. Методология исследования рече-языковой реализации саморефлексии коммуникативной личности / И.Г. Жирова // Актуальные вопросы современной лингвистики: Материалы XI международной научно-практической конференции, посвящённой Году педагога и наставника в РФ, Москва, 22 сентября 2023 года. — Москва: Государственный университет просвещения, 2024. — С. 29–31.
13. Зыховская Н.Л. Лейтмотив в ряду других общесемiotических концептов / Н.Л. Зыховская // Вестник ЧелГУ. — 2000. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leytmotiv-v-ryadu-drugih-obschesemioticheskikh-kontseptov> (дата обращения: 23.10.2024).
14. Новиков Л.А. Сема / Л.А. Новиков // Большая российская энциклопедия. — 2017. — URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3546926> (дата обращения: 13.04.2024).
15. Ноздрин Л.А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале нем. яз.): дис. ... д-ра филол. наук / Ноздрин Людмила Александровна. — Москва, 1997. — 475 с.
16. Ограда // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — М.: Рус. яз: Полиграфресурсы, 1999. — Т. 2. К – О. — С. 588.
17. Святова М.И. Образность культурно маркированной лексики как особый маркер национального менталитета в русском языке / М.И. Святова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 62–68.
18. Святова М.И. Структурно-семантический состав культурно-маркированной лексики в сопоставительном аспекте: на материале произведений В.М. Шукшина и их переводов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Святова Мария Игоревна. — Москва, 2016. — 24 с.
19. Светозарова Н.Д. Синтагма / Н.Д. Светозарова // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. — 2017. — URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3664706?ysclid=m2gdb4239x985755690> (дата обращения: 19.10.2024).
20. Суханова С.Ю. Интерпретация орфического сюжета в творчестве Елены Шварц / С.Ю. Суханова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2019. — № 35. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-orficheskogo-syuzheta-v-tvorchestve-eleny-shvarts> (дата обращения: 27.03.2024).
21. Тарковский А.А. Собрание сочинений: в 3-х т. / А.А. Тарковский; сост. Т. Озерская-Тарковская; вступ. ст. К. Ковальджи; прим. А. Лаврина. — Москва, 1991. — Т.1. Стихотворения.
22. Трошин Н.В. Сравнительные конструкции как средство репрезентации мифологического культурного кода в поэзии Арсения Тарковского / Н.В. Трошин, С.К. Фёдорова // Вестник ННГУ. — 2017. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnye-konstruktsii-kak-sredstvo-reprezentatsii-mifologicheskogo-kulturnogo-koda-v-poezii-arseniya-tarkovskogo> (дата обращения: 18.08.2024).
23. Филиппова И.Н. Социально-дискурсивные характеристики эвфемизмов русского, английского и немецкого языков / И.Н. Филиппова, С.Н. Вековищева // Мова і література ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання: Матэрыялы VI Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі маладых навукоўцаў, прысвечанай 100-годдзю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, 12 марта 2021 года / Под рэд. В.У. Зуева [і інш.]. — Мінск: Белорусский государственный университет, 2021. — С. 96–101.
24. Филиппова И.Н. Эвфемизмы-заимствования в русском и немецком языках / И.Н. Филиппова // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 3 (38). — С. 185–197. — URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3760/ (дата обращения: 03.08.2024).
25. Широкова Е.Н. Хронотоп текста, хронотоп дискурса (к вопросу разграничения текстовых и дискурсивных категорий) / Е.Н. Широкова // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. — Нижний Новгород: Деком, 2016. — С. 179–184.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alefirenko N.F. Pojeticheskaja jenergija slova. Sinergetika jazyka, soznaniya i kul'tury [Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture] / N.F. Alefirenko. — Moscow: Academia, 2002. — 392 p. [in Russian]
2. Arinshtejn L.M. Anglijskaja poezija v russkih perevodah. XX vek. Sbornik [English poetry in Russian translations. XX century. Collection] / L.M. Arinshtejn, N.K. Sidorina, V.A. Skorodenko. — Moscow: Raduga, 1984. — 848 p. [in Russian]
3. Ayupova S.B. Kategorii prostranstva i vremeni vazykovoy Khudozhestvennoy Kartine Mira (na materiale khudozhestvennoy prozy I. S. Turgeneva) [Categories of space and time in the linguistic artistic worldview (based on the prose of I.S. Turgenev)]: abstract dis. ... of PhD in Philology / Ayupova Svetlana Budimirovna. — Ufa, 2012. — 49 p. [In Russian]
4. Ajupova S.B. Principy opisaniya strukturno-semanticheskikh kategorij prostranstva i vremeni jazykovoy hudozhestvennoy kartiny mira [Principles of describing the structural and semantic categories of space and time of the linguistic artistic picture of the world] / S.B. Ajupova, B. Gjunesh // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences]. — 2013. — № 4-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-opisaniya-strukturno-semanticheskikh-kategorij-prostranstva-i-vremeni-yazykovoy-hudozhestvennoy-kartiny-mira> (accessed: 24.08.2024). [in Russian]
5. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy pojetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics] / M.M. Bahtin // Jeps i roman [The epic and the novel]. — Saint Petersburg: Azbuka, 2000. — P. 9–193. [in Russian]
6. Vekovishcheva S.N. Vzaimoobuslovennost' i vzaimozavisimost' kategorij prostranstva i vremeni v hudozhestvennom tekste na materiale anglijskogo i russkogo jazykov v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte [Interconditionality and interdependence of the categories of space and time in a literary text based on the material of the English and Russian languages in a comparative translation aspect]: dis. ... of PhD in Linguistics / Vekovishcheva Svetlana Nikolaevna. — Moscow, 2000. — 171 p. [in Russian]
7. Vekovishcheva S.N. Obraznaja jevfemija v tekstah s religioznoj semantikoj i ee mezh"jazykovaja peredacha [Associative euphemisms in texts with religious semantics and their interlingual interpretation] / S.N. Vekovishcheva, G. Kozhevnikov // Inostrannye yazyki v vysshej shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]. — 2022. — № 3 (62). — P. 18–25. [In Russian]
8. Vekovishcheva S.N. Leksiko-semanticheskie osobennosti reprezentacii lingvokul'tury orfizma (na materiale sopostavlenija otryvka teksta p'esy U. Shekspira The Tempest / «Burja» i ego russkojazychnyh perevodov) [Lexical and semantic peculiarities of representation of the linguoculture of Orphism (based on the juxtaposition of the text excerpt of W. Shakespeare's play The Tempest and its Russian-language translations)] / S.N. Vekovishcheva, M.S. Demin // Inostrannye yazyki v vysshej shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]. — 2024. — № 3(70). — P. 30–39. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.004. [in Russian]
9. Verevkin T.V. Jazykovaja model' vremeni kak odna iz osnovnyh temporal'nyh modelej [The linguistic model of time as one of the main temporal models] / T.V. Verevkin // Vestnik TGU [Bulletin of TSU]. — 2008. — № 9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-model-vremeni-kak-odna-iz-osnovnyh-temporalnyh-modelej> (accessed: 10.22.2024). [in Russian]
10. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research] / I.R. Galperin; ed. by G.V. Stepanov. — Moscow: LENAND, 2020. — 144 p. [in Russian]
11. Demin M.S. Leksiko-kompozicionnye osobennosti verbalizacii orficheskoj kartiny mira (na materiale sopostavlenija teksta stihotvorenij V.A. Zhukovskogo, U. Blejka i L. H'juza) [Lexical and compositional features of verbalization of the orphic picture of the world (based on the comparison of the texts of the poems written by V.A. Zhukovsky, W. Blake and L. Hughes)] / M.S. Demin // Vestnik filologicheskikh nauk [Philological Sciences Bulletin]. — 2024. — № 4 (7). — P. 186–195. [in Russian]
12. Zhirova I.G. Metodologija issledovaniya reche-jazykovoj realizacii samorefleksii kommunikativnoj lichnosti [Methodology for the study of speech and language realization of self-reflection of a communicative personality] / I.G. Zhirova // Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki: Materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhjonnoj Godu pedagoga i nastavnika v RF, Moskva, 22 sentjabrja 2023 goda [Topical issues of modern linguistics: Materials of the XI International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of Teacher and Mentor in the Russian Federation, Moscow, September 22, 2023]. — Moscow: State University of Education, 2024. — P. 29–31. [in Russian]
13. Zyhovskaja N.L. Lejtmotiv v rjadu drugih obshhesemioticheskikh konceptov [Leitmotif among other general semiotic concepts] / N.L. Zyhovskaja // Vestnik ChelGU [Bulletin of ChelSU]. — 2000. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leymotiv-v-ryadu-drugih-obshhesemioticheskikh-kontseptov> (accessed: 23.10.2024). [in Russian]
14. Novikov L. A. Sema [Seme] / L.A. Novikov // Bolshaya rossijskaya enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. — 2017. — URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3546926> (accessed: 13.04.2024). [in Russian]
15. Nozdrina L.A. Vzaimodejstvie grammaticheskikh kategorij v hudozhestvennom tekste (na materiale nem. jaz.) [The interaction of grammatical categories in a literary text (based on the material of German)]: diss. ... of PhD in Philology / Nozdrina Ljudmila Aleksandrovna. — Moscow, 1997. — 475 p. [in Russian]
16. Ograda [Fence] // Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes] / RAS, Institute of Linguistics Research. — M.: Rus. lan.; Polygraph Resources, 1999. — Vol. 2. K – O. — 588 p. [in Russian]
17. Svjatova M.I. Obraznost' kul'turno markirovannoj leksiki kak osobyj marker nacional'nogo mentaliteta v russkom jazyke [Imagery of culturally marked vocabulary as a special marker of national mentality in the Russian language] / M.I. Svjatova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. — 2014. — № 1. — P. 62–68. [in Russian]

18. Svjatova M.I. Strukturno-semanticheskij sostav kul'turno-markirovannoj leksiki v sopostavitel'nom aspekte: na materiale proizvedenij V.M. Shukshina i ih perevodov [The structural and semantic composition of culturally marked vocabulary in a comparative aspect: based on the works of V.M. Shukshin and their translations]: abstract dis. ... of PhD in Linguistics / Svjatova Marija Igorevna. — Moscow, 2016. — 24 p. [in Russian]
19. Svetozarova N.D. Sintagma [Syntagma] / N.D. Svetozarova // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. Jelektronnaja versija [The Great Russian Encyclopedia. The electronic version]. — 2017. — URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3664706?ysclid=m2gdb4239x985755690> (accessed: 19.10.2024). [in Russian]
20. Suhanova S.Ju. Interpretacija orficheskogo sjuzheta v tvorchestve Eleny Shvarc [Interpretation of the orphic plot in the work of Elena Schwartz] / S.Ju. Suhanova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history]. — 2019. — № 35. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-orficheskogo-syuzheta-v-tvorchestve-eleny-shvarts> (accessed: 27.03.2024). [in Russian]
21. Tarkovskij A.A. Sobranie sochinenij: v 3-h t. [Tarkovsky A.A. Collected works: in 3 volumes] / A.A. Tarkovskij; comp. by T. Ozerskaya-Tarkovskaya; introduction by K. Kovalji; note by A. Lavrina — Moscow, 1991. — Vol. 1. Poems. [in Russian]
22. Troshin N.V. Sravnitel'nye konstrukcii kak sredstvo reprezentacii mifologicheskogo kul'turnogo koda v poezii Arsenija Tarkovskogo [Comparative constructions as a means of representing the mythological cultural code in the poetry of Arseny Tarkovsky] / N.V. Troshin, S.K. Fjodorova // Vestnik NNGU [Bulletin of the National Research University]. — 2017. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnye-konstruktsii-kak-sredstvo-reprezentatsii-mifologicheskogo-kulturnogo-koda-v-poezii-arseniya-tarkovskogo> (accessed: 18.08.2024). [in Russian]
23. Filippova I.N. Social'no-diskursivny`e xarakteristiki e`vfemizmov russkogo, anglijskogo i nemeckkogo yazy`kov [Socio-discursive characteristics of euphemisms of Russian, English and German languages] / I.N. Filippova, S.N. Vekovishheva // Mova i litaratura Ÿ XXI stagoddzi: aktual'ny`ya aspekty` dasledavannya [Language and Literature in the XXI century: topical aspects of research]: materials of the VI Republican Scientific and Practical Conference of young Scientists dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, March 12, 2021 / Ed. by V.V. Zueva [et al.]. — Minsk: Belarusian State University, 2021. — P. 96–101. [in Russian]
24. Filippova I.N. Jevfemizmy-zaimstvovanija v ruskom i nemeckom jazykah [Euphemisms-borrowings in Russian and German] / I.N. Filippova // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija [Theory of Language and Intercultural Communication]. — 2020. — № 3 (38). — P. 185–197. — URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3760 / (accessed: 03.08.2024). [in Russian]
25. Shirokova E.N. Hronotop teksta, hronotop diskursa (k voprosu razgranichenija tekstovyh i diskursivnyh kategorij) [Chronotope of text, chronotope of discourse (on the issue of distinguishing textual and discursive categories)] / E.N. Shirokova // Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktual'nyh problem sovremennogo jazykoznanija: (k 100-letiju so dnja rozhdenija B.N. Golovina) [Scientific heritage of B.N. Golovin in the light of actual problems of modern linguistics: (to the 100th anniversary of the birth of B.N. Golovin)]: collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference. — Nizhny Novgorod: Decom, 2016. — P. 179–184. [in Russian]